

МАСТЕР ЧЭНЬ

ДЕВУШКА

ПЕЛА

В ЦЕРКОВНОМ

ХОРЕ

Мечом мир можно только уничтожить
или заставить себя бояться.
Знанием ты заставишь мир улыбаться тебе.

Магазин путешествий Мастера Чэня

Мастер ЧЭНЬ

Девушка пела в церковном хоре

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чэнь М.

Девушка пела в церковном хоре / М. Чэнь — «Эксмо»,
2020 — (Магазин путешествий Мастера Чэня)

ISBN 978-5-04-112929-3

Новый роман Мастера Чэня воссоздает события 1904–1905 годов, которые переплетаются с детективным сюжетом о золоте, якобы отправленном на одном из кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры китайской императрице в обмен на помощь России в войне с Японией. Внимательный и умеющий анализировать происходящее очеркист журнала «Нива», откомандированный с эскадрой, чтобы описывать события, сумеет разгадать все загадки и тайны, но это будет стоить жизни его любимой женщине.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112929-3

© Чэнь М., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая. С крейсером что-то не так	6
Немоляев, сухопутная крыса	6
Брандвахта	10
Проститутка подзаборная и вонючий либерал	15
Я – это я	22
Черный день эскадры	28
Об ангелах и прогрессе	33
Пример глубочайшего военного разврата	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мастер Чэнь

Девушка пела в церковном хоре

– А что же вам не написать об этом – уверенно сказал Сергей Васильевич, завораживая меня взглядом серо-медовых глаз. – В конце концов, что вы делаете в жизни – вы пишете. А тут Цусима – такая уникальная катастрофа... мало того, что самое страшное поражение русского флота за всю его историю. Но еще ведь, наверное, вообще самое страшное военное поражение России за ее историю. И много ли таких, как вы, которые там были и вдобавок – пишут? Неважно, что в наших краях работаете на французскую газету, – вы все равно русский писатель. Важно, что вы знаете такое, чего не знает никто, – вашу собственную историю. Ну как же можно об этом не написать?

– Да сколько уже писали, – попробовал сопротивляться я. – Вот же и большевики, говорят, издавали книг. Все про то же – катастрофа царизма. Но я... – Тут, запинаясь, я начал лепетать что-то ему явно непонятное: – Но я не видел катастрофу. Или не только ее. Собственно, я видел нечто противоположное.

Сергей Васильевич удивленно склонил свою узкую, длинную голову.

– Я видел... чуть ли не победу, пусть и посреди поражения. И вот еще что – я часто думаю иногда, сколько событий привело к этому странному исходу, и если бы любая мелочь пошла не так... Было бы другое поражение и другая победа. Да вот хоть если не было бы той музыки...

– Какой музыки? – мгновенно среагировал великий человек.

– Да в том числе и вашей музыки, Сергей Васильевич, – развел руками я. – Был граммофон в кают-компании, и еще пока эскадра покидала Европу, кто-то... Кто-то принес пластинки и сказал: а тут новое и модное. Ну, вот это: пам-пам-па... А если бы мы ее, вашу музыку, тогда не услышали, то уже было бы хоть как-то, но по-другому...

– Ну конечно, это же девятьсот четвертый год, мои первые грамзаписи, – глядя в пространство, задумался он. – Но как вы это хорошо сказали – мелочей нет, и если была бы другая музыка... Вот видите...

Тут мое счастье кончилось – да и то странно, что вся фрачная калифорнийская толпа так долго давала мне говорить с героем столь блестящего концерта. Нет уж, уберите выскочку – то есть меня, потому что вот они тянутся к нему с бокалами шампанского, хотят своей минуты славы и глупых разговоров с гением, разговоров ни о чем. Меня попросту начали оттирать плечами.

– Так напишите же свою историю, – почти беззвучно выговорил он поверх их хорошо уложенных проборов.

И был окончательно поглощен толпой поклонников.

А больше мы не виделись.

И он, конечно, прав: то, что знаю я, не знает сегодня уже никто.

Я обернулся, и мне показалось, что он через всю залу снова мне кивнул: обязательно напишите. Это не должно исчезнуть и забыться.

Часть первая. С крейсером что-то не так

Немоляев, сухопутная крыса

Сначала был взрыв.

То есть я, понятно, не знал, что это именно взрыв, – по звуку похоже было на обрушившийся на брусчатку громадный железный лист.

Но это было почти рядом с бронированным бортом нашего крейсера – на набережной, там, куда мы все смотрели, где-то в закоулках портовых складов либавской Коммерческой гавани. И сразу же из щели между двумя скучными складскими зданиями в нашу сторону вспучился полупрозрачный серый пузырь, несший по воздуху какие-то клочья.

Я мог бы догадаться, что если путь начинается со взрыва, то это весьма странно. Но в тот момент просто ничего не понимал, потому что...

Потому что дальше зазвучали свистки, еще свистки, из того самого проулка вдруг показалось десятка два людей, часть их были впряжены в оглобли, тащили на руках какую-то телегу; потом то же – тащат новую телегу; потом еще одну, но тут уже люди... а часть их – в полицейских шинелях... буквально волокли за узду бесящуюся лошадь.

И вся эта процессия двинулась к черному борту нашего «Дмитрия Донского», нависавшему над пристанью.

Мелькнула мысль: это что же – ведь погибли не только лошади?

Они, эти склоненные над оглоблями люди, не поднимали голову к нам, небольшой кучкой стоявшим у борта: мы – это несколько черных, с проблесками серебра, флотских тужурок, мой темный котелок и широкополая шляпа стоявшей рядом дамы. Инесса Рузская, такой же пассажир, как и я. Более того, как потом оказалось, мы были единственными пассажирами из многих тысяч человек эскадры.

Происходившее заметно отличалось от проводов какого-нибудь океанского лайнера – матросы и офицеры крейсера не толпились на палубе, в основном они были чем-то заняты. Отдавались команды, те самые ящики, подтащенные к нашему борту, начали куда-то грузить. Ну а пассажиров, как уже сказано, было только двое, и...

– Господин Немоляев, вы слышите изменившуюся тональность этого урчания под ногами? Кажется, она означает начало нашего пути. Ну давайте же помашем хотя бы берегу, раз провожающих не видно и нам никто не ответит.

Взрыв – если это был взрыв – не произвел на нее никакого впечатления. Но я тогда и на этот факт не обратил внимания.

Рузская достает из рукава заранее заготовленный платочек, мне остается сдернуть котелок (на довольно неприятном ветре), и тогда несколько матросов на палубе – из тех, кто именно здесь «по местам стоит» – тоже пару секунд бодро треплют ветер бескозырками.

Рузская: я только что ей представился, абсолютно замечательная дама, как минимум сорока лет, то есть старше меня лет на десять, и от нее веет... властью, что ли. Спокойной и любезной властью надо мной и мужчинами вообще, достоинством, но не богатством – она едет к мужу-офицеру в Порт-Артур, так что она на этом корабле человек по деньгам и статусу понятный всем, в отличие от меня.

Я этой даме не очень интересен (пока?), но снисходительную доброжелательность она ко мне проявляет. Темные глаза посверкивают легким любопытством. Что еще? Нос. Красиво выгнутый, гордый нос. Какая она была лет десять назад – уж совсем хороша или наоборот? А впрочем, какая мне разница.

Кого, кроме нее, я еще знаю на крейсере: да ровно никого. Но придется узнать чуть не всех 23 офицеров и 492 нижних чина, потому что у каждого своя история, а истории – это то, зачем я отправился в путь.

И вот буксир уже тащит нас из гавани Либавы в более глубокие воды; и вот отдаляются и склады, и краны, и вагоны со всей России в этом новом Кронштадте – а он будет, и скоро; небо серо, дождик еле касается лица...

Мягкий ход волны, перед нами в двух кабельтовых (да, я уже знаю это слово – кабельтов) корма «Жемчуга», а впереди него волшебная, вызывающая общий восторг новенькая «Аврора»... И далеко справа, почти на горизонте – грозная вереница тяжелых, давящих волну броненосных чудовищ-близнецов – «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Орел», другие... я их всех путаю, но каждый матрос их узнает издали и поминает вслух по имени обязательно; так будет вскоре и со мной.

Вот только взрыв этот – какая странная история, что там взорвалось, не бомбисты же это сделали... И не японцы – до них еще долгие, долгие недели пути... А странная она потому, что вот эта толпа полиции – с ней что-то не так. Откуда она вообще взялась?

Но тут Рузская, склонив ко мне на секунду поля шляпы, ушла, я двинулся следом в свою каюту (споткнувшись на железных ступенях вниз), там бестолково помялся, подумал – не пора ли обедать, или тут нужен какой-то сигнал, называемый, кажется, склянками. Вышел снова на палубу.

И понял, что хорошо бы присесть на что-то твердое и устойчивое, потому что палуба мягко наклонила меня к носу корабля и серо-лиловой воде. Я быстро окинул взглядом тех людей на палубе, которые в отдалении как-то виднелись, – было ощущение, что для них происходящее нормально.

Думаю, вы уже поняли, что со мной было дальше – и длилось долго.

Не то чтобы я лежал, не вставая и не выходя из отведенной мне запасной офицерской каюты, на откидной кровати. То есть, понятно, лежал, рассматривал чистые эмалированные стены и круглый глаз иллюминатора, думал о том, что бывал в куда худших гостиницах. Пытался понять, тепло мне или холодно. Размышлял о том, что это жуткое качание во все стороны, пусть и не очень сильное, теперь будет всегда.

Хотя – качание или нет, надо хотя бы представиться капитану, до того роль дворецкого при моем вселении на крейсер играл какой-то юноша, видимо мичман. Одеться, пойти наверх... Не сейчас, не сейчас.

Но я и выходил, конечно. Потому что когда человека тошнит, он должен знать, где туалетная комната (оказалось, рядом). И где кают-компания, да просто место, где можно попить воды. Пресной, заметим. Рукомойник на палубе, который я ранее обнаружил, чтобы прополоскать рот, содержал что-то соленое.

В кают-компании обычно было пусто, но ближе к закату я нарвался на большой сбор веселых людей в черных тужурках (или это бушлаты?), и они посмотрели на меня с вежливым сочувствием.

Тут я понял, что эти люди ходят, разговаривают, едят как ни в чем не бывало; заметил, что Рузской не было, – сестра по несчастью? И решил, что, раз уж пришел, надо взять себя в руки.

– Немоляев, Алексей Юрьевич, э-э-м, сухопутная крыса, – представился я самому внушительному из всех бородачу (и почти не ошибся – он оказался вторым по рангу здесь человеком).

Тут я обозвал его капитаном, после чего некто слегка раздраженный быстро поправил меня: здесь военный корабль, здесь командир, а не капитан, а передо мной старший офицер. Которому, кстати, мне и следует представиться, так что все пока хорошо.

Этот же старший офицер, как и было положено, показал мне место на относительно пустующем участке длинного стола, там, где сидел корабельный священник, и я собрался что-то съесть, но из этого ничего хорошего не получилось.

– А вернитесь-ка вы в каюту, уважаемый – как вас? Алексей Юрьевич, – сказал мне добрый и понимающий человек напротив. – А я к вам непременно зайду вскорости.

Он и зашел, оказался одним из двух здешних врачей, по фамилии Тржемеский.

– Ожоги, ушибы, а на экваторе будут, без сомнения, солнечные удары, – рассказывал он мне, проверяя пульс. – Но, поскольку на эскадру в нижние чины набирали не просто запасников, а еще и сухопутных, да крестьян попросту, то есть и вот эта, знаете ли, морская болезнь. К утру не пройдет, не обещаю. Потерпите. А тем временем рекомендации такие...

К утру она не прошла.

До того, как начался неожиданный кошмар, было вот что: я выползал довольно часто на палубу и уже пытался вести разговоры с людьми. Узнал следующее: для матросов я – «вашескородь», но странное вашескородь, потому что обращаюсь к ним на «вы», чего офицер не должен делать – хотя ни в каком уставе это не обозначено. Так или иначе, при разговоре со мной бескозырку сдергивать одним казалось нужным, а другим нет.

Далее: у матросов свое средство от морской болезни. Надо, чтобы кондуктор... в общем, боцман отстегал мучающегося линьком до синяков, и все сразу проходит. Многие сами к боцману с этим обращаются, только скажите, вашескородь.

И: крейсер – маленький качающийся остров. На нем ты никогда не один. Всегда и всем видно твое лицо – видно даже от носа на корме и читаются даже мысли на нем.

Я, конечно, пытался работать. Я здесь не просто так, вспоминалось мне. Я свидетель великих событий. Никогда в российской, да что там – всемирной истории не отправлялась через весь мир, через два океана такая мощная армада – почти все боевые корабли великой империи. Маршрут был в точности мало кому известен, но наша колонна кораблей шла сейчас вокруг всей Европы, должна была пройти между Англией и Испанией, потом обогнуть всю Африку до самой южной ее точки, до недавнего поля битвы англичан и буров. Ходили слухи, что часть кораблей могла, по осадке, пройти через Суэцкий канал и потом соединиться с нами где-то в Индийском океане. Потом – минуя британский Сингапур – мы все вместе пойдем на север. К осажденному японцами Порт-Артуру, к полю битвы этой неожиданно страшной и кровавой войны с нацией, о которой у нас еще года два назад никто всерьез и не слышал. Господи, Япония – да что вообще такое эта Япония?

Телеграфные новости в газетах – это одно. Но длинные журнальные очерки в безумно респектабельной «Ниве», этом флагмане нашего Просвещения, где у входа в редакторские святости стоит под пальмой чучело медведя с серебряным подносом для визитных карточек, – это другое.

И только «Нива» могла совершить невозможное – уговорить Адмиралтейство взять в это путешествие одного... одного из всей России... очеркиста, то есть меня.

Я снял с пачки блокнотов верхний, извлек из футляра заточенный карандаш и начал записывать все – да-да, насчет боцманского лекарства от морской болезни тоже – все, что мой читатель не узнает из телеграфных сообщений. А узнает лишь от меня одного.

И вдруг – упомянутый ужас.

Ночь, я сплю, но дальний грохот сбрасывает меня с койки. Нет, не только он: еще бешено мечется звук колокола уже здесь, на крейсере. Топочут ноги в коридоре и по палубе над головой. Топот стихает. Снова раскаты. Если это гроза, то что значат колокол и беготня?

Понятно, что я пошел наверх, голова еще кружилась – но спать было невозможно. А наверху было страшно.

Только вчера я наблюдал россыпь алмазных звезд над головой, цепочки огней эскадры над черно-серебристой водой и думал, что вот-вот вернусь к жизни. Сейчас мир исчез. Я плохо видел даже нос нашего крейсера, и в этой сырой мгле впереди и справа раздавался вой сирен. Нет, это никакая не гроза.

Раскаты грома продолжались, но вот туман справа и впереди куда-то делся, я увидел бешеную скачку световых конусов на низких клочьях облаков и – огневой столб на горизонте. То есть горел какой-то корабль, и еще я отчетливо видел мгновенно расцветающие белые подснежники по контуру чернеющих громад броненосцев – а наших ли?

Какого черта, мы в Северном море, прошли Балтику. Войны здесь не может быть. Она на той стороне глобуса.

Но тут меня согнали с палубы, попутно сообщив, что при боевой тревоге у меня должно быть место, и это, скорее всего, каюта, потому что она защищена броней борта.

Боевая тревога? Но это же, конечно, учения?

Наутро все были мрачны. Потому что, во-первых, где-то в штабе были получены верные и надежные сведения, что японские миноносцы хотят не дать нам пройти датские проливы. Во-вторых, никаких миноносцев мы в этом тумане так и не обнаружили, но выпустили неясно в кого несколько сотен снарядов. Непонятно кого подбили. И самое страшное, подбили шедшую совсем рядом с нами «Аврору». Там кто-то погиб, а в самом корабле придется на ходу заделывать дырки. Других новостей пока нет.

– Хорошо, что не умеем стрелять, – раздался чей-то голос.

Я понял, что вполне мог оказаться и на другом крейсере, хоть на «Авроре», и тогда...

В Петербурге узнают о том, что случилось, раньше меня – да хоть из сообщений с нашего флагмана. А что я смогу сказать своим читателям такого, что ни на каком флагмане не скажут?

Наверное, вот что: в нашем мире случается немыслимое. Век ясности и звезд над головой может смениться другим веком – когда в тумане неясно кто убивает непонятно кого, в том числе своих, и некуда бежать, и никто не знает, что творится и что будет с нами дальше.

И еще я скажу им, что боевая тревога – это мечущиеся ножи прожекторов, бессильные рассечь море.

Брандвахта

И был закат, и были птицы – шумящие и вихрящиеся облака над мачтами и реями крейсера.

Они пикировали по одной на палубу, где матросы соблазняли их какой-то приманкой; они вились за кораблем, описывая над ним сложные спирали.

И еще был испанский порт Виго, среди взмывающих в небо светлых скал. Качка прекратилась, да и раньше, еще в море, я как-то перестал ее замечать.

И вдруг понял, что не просто жив, а отлично себя чувствую, и еще – что ветер... теплый. Всего-то неделя с лишним прошла со дня выхода с наших балтийских берегов, уже покорно ждавших будущей зимы, как мы приплыли...

Пришли, напомнил я себе... учи морской язык, Немоляев.

...Пришли в другой мир. И в этом мире я был зверски голоден.

Не то чтобы я прямо со второго-третьего октября, дня отплытия, ничего не ел – забредал, повторим, в кают-компанию, схватывал какие-то куски под сочувственно-ехидными взглядами господ моряков... но то была не еда и не жизнь. То был тягостный сон, в том числе с перерывом на ночной грохот артиллерии. И на короткие разговоры, из которых выяснилось, что никаких японских миноносцев у берегов Европы точно не обнаружено, что эскадру атаковал загадочный военный корабль, который в итоге так и не был выявлен, а весь огонь нашей артиллерии сосредоточился на рыболовных траулерах, кои оказались – представьте – английскими. Один потопили.

Ах, они были английскими. Это же интересно, когда экспедиция к Японии начинается с инцидента с державой, этой Японии союзной по договору от января девятьсот второго года, да еще тут участвует неопознанный корабль.

И я был не единственный, кто переволновался в ту ночь. Потому что флагман, «Суворов», уже давно поднял к небу бледный столб света – «прекратить всякий огонь», – а артиллеристов просто нельзя было оторвать от орудий. Выстрелы гремели еще минуты две после отбоя.

Но в этот теплый вечер меня волновало уже другое. Домашняя тужурка – нет, конечно. Скорее серая, бархатная, с перламутровыми пуговицами. Что такое кают-компания – не ресторан с музыкой, но все-таки офицерский клуб, я там гость. Значит, серый бархат. Надо ведь как-то войти в это незнакомое общество, мне плыть еще не одну неделю, и эти люди помогут мне в выполнении задания – а кстати, я мог бы уже отсюда, из порта Виго, отослать в «Ниву» первый очерк. Выйдет он в лучшем случае через месяц, а писать его придется чуть не ночью, и о чем? О том, как страшно шарят прожекторы по багровым клочьям тумана над головой? Конечно же, да.

Никакой точности оценок случившемуся, никаких диагнозов инциденту – это сделают без меня. А вот цвет ночного тумана, запах страха, то, что никто не метался по палубе после сигналов, корабль вымер и подобрался, ощерился... Вот что важно. Вот для чего я здесь.

Но в кают-компании меня ждало нечто полностью неожиданное.

Безупречным, но скрыто ехидным голосом:

– Не забыли ваше место, господин сочинитель? Прошу...

Напротив – исключительно неприятный и очень молодой крепыш в черной флотской тужурке и с плохо растущей бородкой, имя... простое что-то, на «Д» – а, Дружинин. И еще Дмитрий Дмитриевич. Старается выглядеть старше. Молчит и смотрит на меня как-то напряженно. А почему я его раньше не видел? Он все время был на вахте?

Другой голос, справа:

– Доедаем петербургскую провизию, вам, наверное, более привычную. Уже запасаемся на испанском берегу, тут экзотикой пахнет...

Мне кажется, или во всех обращенных ко мне словах есть какой-то скрытый смысл? Что-то происходит? Они все ждут от меня чего-то, тоста за их здоровье, что ли?

Сосед слева, не выучил еще его имени, мягко подталкивает ко мне ногтем журнал. Мой журнал. Прочие молчат и смотрят.

– Боже ты мой, свежая «Нива», – радуюсь я. – Э-м-м... да откуда же здесь?

– Перепелкин принес с берега, – говорит кто-то.

Я поворачиваюсь и вижу этого самого Перепелкина – машущего мне ладошкой очень эффектного человека, постарше Дружинина, но по части возраста не безнадёжного... лейтенант, если я правильно различаю все эти металлические штуки... очень красивая голова, большая, хорошо обрисованная, с правильно сидящими ушами... на голове минимум растительности – все подстрижено, блондин, глаза умные, смеются. Чему?

И чего все ждут?

Разворачиваю журнал (тут у меня под носом появляется тарелка с отличным борщом, а рядом много хлеба, праздник). Ищу свой очерк об электрических трамваях в столице и печальной судьбе первого в мире изобретателя таковых, полковника Пироцкого – вот, отлично. Ну а больше я ничего и не писал.

Киваю, откладываю в сторону и приступаю к пиршеству.

– Да вы подальше посмотрите, – звучит чей-то злорадный голос. Нет, что-то явно происходит.

Тут сидящий наискосок врач Тржемеский (тот самый, пользовал меня от качки) берет журнал, чуть не роняя его в борщ, разворачивает на какой-то статье и вручает мне обратно.

А это и правда интересно – и мне, очевидно, нужно: «После ухода 2-й эскадры Тихого океана», автор – некто Прибой (как же они расплодились, эти псевдонимы). По привычке, мгновенно просматриваю. Что он пишет?! Вот это надо изучить.

Я поднимаю голову – все смотрят на меня, молчат. Что за история?

– А вы поешьте, – милосердно говорит мне негласный хозяин кают-компании (это всегда не командир, а старший офицер, то есть в нашем случае крепыш-боровичок Константин Платонович Блохин). Он несет к темной пушистой бороде крошечную рюмку водочки, говорит мне что-то вроде «еще будет время поговорить» – и тут рюмка мгновенно исчезает в этих усах с бородой, а потом появляется оттуда пустой.

Что ж, не так я себе представлял первый полноценный выход в общество на этом крейсере, но... не думаете же вы, что я не выдержал неожиданного испытания.

Я выдержал. Ел быстро (и много), одновременно тщательно прорабатывая «Ниву». И отложил ее, вместе с ножом и вилкой, в некотором ошеломлении.

Человек по имени Прибой очень грамотно доказывал всем нам, что огневой мощи, а также скоростных возможностей нашей эскадры недостаточно, чтобы справиться с японским флотом. Он превосходит нас в соотношении два к одному. Экспедиция авантюрна, эскадру следовало бы остановить и пополнить новыми кораблями. Да даже и тогда...

Я вдруг отчетливо представил, как они (я обвел взглядом соседей) окажутся, после разгрома нашего флота у Порт-Артура и Чемульпо, перед лицом японцев, зная, что сил опять недостаточно. Но что это уже не «они», это уже «мы» – раз уж я на этом крейсере – такое мне в голову даже не пришло. Я пассажир. Я сойду в Порт-Артуре, поблагодарю этих людей...

Я начал рассматривать кают-компанию. Неплохо – мы на корме, занимаем всю ширину корабля, световой люк на потолке, иллюминаторы по бортам, белая эмаль потолка и отличные дубовые панели. Длинный стол поперек, чистая скатерть. С правого борта пианино, с левого – диван. Ну и буфет, конечно, – а не выпить ли?

Я перевел взгляд на людей вокруг: одни смотрели на меня все с тем же злорадством, другие – как бы сквозь меня, но все молчали и чего-то ждали.

– Э-э-э, да – да что случилось, господа? – поинтересовался я.

– Ничего особенного, господин Прибой, – ответил мне мичман по фамилии Кнюпфер (мы подружились с ним позже, он командовал носовыми шестидюймовыми пушками). – Вот, статья, видите ли. Сильная.

Я опустил голову и закрыл глаза. Это была смешная, но и серьезная ситуация.

– Э-м-м, так, – отозвался я наконец. – Если вы не против... я скажу несколько слов. Э-э, особенно о том, что очень трудно доказать то, чего нет. Как вот вы, сударь, докажете, что Прибой – это не вы?

Мой сосед Дружинин, к которому я неожиданно обратился, продолжал смотреть на меня – да ему все уже про меня ясно: хороший галстук, свежая рубашка, пишет очерки. Такие, как Дружинин, не любят таких, как я, и не полюбят.

– Но это же ваш журнал, – заметил он сдавленным голосом.

– Так, э-э-э, с вашего позволения я попробую... Господин Кнюпфер, помните, это же вы в первый мой день на корабле объяснили мне, что здесь нет капитана, а есть командир?

Я мельком взглянул на Ивана Николаевича Лебедева в левом конце стола – а он и был командиром «Донского»: высокий, худой, русоволосый, отстраненно-доброжелательный. И кстати, в кают-компании он бывал частенько, хотя традиция предписывала ему есть одиноко, в своей каюте, как на Олимпе.

– Теперь вы, доктор, – продолжил я. – Вы были у меня в каюте несколько дней назад. Как по-вашему, моя морская болезнь была настоящей?

– Бесспорно, – горячо отозвался он. – Цвет лица не подделаешь. И глаза, и... Не привыкли к волне, ха-ха-ха.

– Итак, э-э, господа, перед вами человек, который вообще впервые на корабле, не плавал дальше Гельсингфорса и не знает, что надо говорить «ходил», а не «плавал»... – Ну, это теперь я уже знал. – И вот такой человек берется писать в серьезный журнал статью, которую у него не возьмет там никакой редактор. Это все-таки «Нива», с вашего позволения. Дальше...

Я обвел стол взглядом: пока все не очень хорошо. Но. Но.

– А дальше – посмотрим, что за человек писал. То есть попробуем угадать, кто он на самом деле. Возраст... я многого еще не умею, но – э-э-э... Если что-то умею, так понимать человека по тому, как он пишет. Этот Прибой пишет как человек весьма среднего возраста. Вы можете заметить, по журналам, что наше поколение – оно иное. Другие слова, по-другому строим фразы. Читаю Прибоя: «Мне приходится говорить о таких вещах, в рассуждениях о которых надо бережно взвешивать каждое слово, чтобы не сказать того, чего не знает наш противник»... а фраза у него на этом не кончается, тянется, как змея. Вы знаете Чехова, но люди моего... – Я постарался избежать слова «круга». – Люди помоложе по стилю отличаются. Они стремятся бросить вызов, рассердить, делать резкие, короткие фразы. Прибой же пишет довольно спокойно, ему хватает лишь фактов. Я бы, зная, что в фактах слаб, попытался бы выиграть за счет эмоций, эффектов.

У меня возникло странное чувство: кто-то на меня смотрит особым образом. Я бы даже сказал, что кто-то следит за мной сзади, однако сзади были лишь иллюминаторы. Но чей-то взгляд изменился. И это было не просто любопытство.

– А вот теперь посмотрите на это место... читаю, э-м-м... вот... «Обратили ли вы внимание, как обставлен главнокомандующий сухопутными и морскими силами для руководства морскими операциями? Для этого у него имеется морская походная канцелярия и начальник этой канцелярии Русин. Это выдающийся по своим способностям офицер, но все-таки не более чем капитан второго ранга, то есть по-сухопутному подполковник, и не более как начальник канцелярии. Какое же влияние он может иметь на решения и распоряжения главнокомандующего морскими силами, да еще не моряка по профессии?»

Все молчали.

– Господа... простите, госпожа Рузская, я уже несколько раз вас неделикатно обошел – итак, сударыня и господа. Мало того, что тут у нас «обставлен главнокомандующий», этот оборот выдает возраст автора. Но еще он пишет вещи, которые может знать только человек, который служит в Порт-Артуре. Или был там. Ну откуда мне знать про походную канцелярию, да еще про Русина? Вы об этом знаете? А то, что я не был на Дальнем Востоке, очень легко установить просто по моим публикациям в «Ниве». В каждом номере. Они все из Петербурга.

– Хорошо, это не вы – а все-таки как вы видите автора, кто он? – раздался голос слева, ближе к Лебедеву.

– Смотрите на угол зрения этого человека, – увлекся я, даже перестав мямлить и жевать слова. – Он не боится все это сказать, хотя и назвался псевдонимом. То есть боится, но – не внутренне. Получается, он достаточно высокопоставлен. И его не очень волнует сухопутная армия, а только флот. Если не принадлежит к верхушке флота, то где-то близко к ней, но... как-то чуть сбоку, потому что не то чтобы не критичен, но говорит без надрыва, что ли. Итак, старше сорока, моряк, в чинах, был или есть в Порт-Артуре, причем в штабе командующего. Вот, примерно так.

– А в чем-то убедительно, не правда ли? – раздался слева голос... да, Перепелкина. После чего обладатель голоса сделал замечательную штуку – он как бы посмеялся, но со сжатыми губами, получилось что-то вроде короткого беззвучного плача.

И все вздохнули, и кто-то пошел выпить, и заговорили все одновременно и обо всем, оставив меня в покое. Раздавалось отовсюду:

– А что вы хотите – да, мы срываемся и ругаемся без толку и не разобравшись. Потому что когда лучшие люди, институтки и прочие, шлют телеграммы японскому императору с пожеланиями ему победы – воля ваша, но это уж...

– Простой вопрос: кто начал войну? Кто на кого напал? Мы, что ли, атаковали японцев? Так вот, спросите их – они не знают, кто напал, или им все равно.

– Хорошо, а вот извольте цитату: «Патриотизм есть пережиток варварского времени. Мы должны желать уменьшения нашего государства, ослабления его и всеми силами содействовать этому».

– Вот-вот...

– Автора, автора! Он кто?

– Не догадались? Лев Толстой, русский писатель. От горшка два вершка и борода до пояса.

Тут раздался всеобщий хохот. Похоже, здешние люди относились к графу Толстому примерно так же, как и я.

– Госпожа Рузская, у вас муж в Порт-Артуре. А если его поставить напротив этого писателя...

– Господа, мой муж – человек со спокойными нервами, и у него много других дел...

– ...Пятнадцать узлов для «Донского» – это вы хватили. Только если рассердится. Но какая разница, если вся эскадра идет по последнему инвалиду, то есть девять узлов. А японские миноносцы, заметим, дают двадцать пять. Круги могут нарезать вокруг, как Тузик.

– А паруса вы забыли? Господин сочинитель...

А, со мной уже разговаривают – я точно победил.

– Господин сочинитель, вы на новых кораблях эскадры видели такие реи и снасти, как у «Донского»? А я скажу почему. Потому что – дословно – «для увеличения автономности» корабль хранит, извольте ли видеть, полную фрегатскую парусность, и идея была – опять цитирую – что «прибегали бы к углю лишь в случае крайней необходимости». Вы на паруснике, господин Немоляев. А лет ему уже двадцать пять. А срок его службы был – двадцать.

– Ну мы же – Брандвахта...

– Простите? – удивился я.

– Вы знаете нашего адмирала? – тихо объяснил мне подобревший Кнюпфер. – У Роже-стенского для каждого корабля есть кличка. «Сисой» у него – Инвалид, «Светлана» – Горничная. А мы – Брандвахта. Это то есть такой корабль, что годится только на караульную службу в гавани. И наше место в кильватере, если вы заметили – последнее.

Тут из левого угла раздалось тихое «видите ли, как...».

И все смолкли разом.

– Господин Немоляев, – продолжал звучать в этой тишине голос Лебедева, – думаю, с вами сегодня пытались поступить как-то сурово. А вы наш гость, и кто-то чуть о том не забыл. Но раз уж вы выдержали это испытание сами, мое вмешательство было не нужно. А бронированный крейсер первого ранга «Дмитрий Донской» – боевой корабль эскадры. Вот так.

Я быстро окинул взглядом все лица, ища знакомые усмешки в усах. И не обнаружил ни одной.

И подумал: кем нужно быть для того, чтобы тебя вот так слушали?

А вот теперь уже просто нужно было выпить, к примеру, водки.

– Несу, не сомневайтесь, – сказал всей компании незнакомый мне лейтенант, приближаясь к растопыренной трубе граммофона с пачкой пластинок в руке. – Свинство, мадам и господа, на «Аскольде», помнится, у нас один лейтенант был с виолончелью – вообразите. Да и сейчас на эскадре есть певцы, а адмирал на «Суворове» без духового оркестра за стол не садится...

Предупредительный кашель раздается откуда-то из командирского угла.

– А тут – некому потрогать пианино за клавиши, стоит и пропадает, только лишь граммофон.

Но недовольные смолкли, когда из медного цветка трубы – и из далеких мест и времен – донесся перелив звуков.

Рузская с любопытством склонила голову, блеснув жемчужными серьгами, потом соприкоснулась плечом с Блохиным, что-то ему рассказывая. Лебедев замер, дым его сигары шел вверх тонкой неподвижной струей. А потом вдруг все опять заговорили одновременно.

И так дальше у нас в кают-компании и повелось – в какой-то момент начиналась вот эта музыка, этот торжественный полонез, шествие, путь. И это под нее шли через тяжелые волны корабли, мигая друг другу огнями – потерявшийся где-то впереди флагман и его семья мощных броненосцев, неуклюжие транспорты, стройная красавица «Аврора», все, все – на юг, а потом на северо-восток, неся за собой громадное облако дыма.

– Веселаго, что ты нам притащил? – раздался голос.

– Новейшее, господа. Ни разу не игранное. Модный в Москве пианист, да еще и композитор, совсем юноша. Так, вот оно – С. В. Рахманинов. Исполняет, как вы понимаете, автор.

Да, уважаемый калифорниец Сергей Васильевич, вот так это было – ваша музыка для нашего путешествия.

А дальше – ночной налет, револьверные выстрелы и бестолковая суэта. Если бы мне сказал кто-то, что можно напасть с каких-то смешных суденышек на бронированный корабль с его шестидюймовыми пушками, да еще среди эскадры куда более серьезных кораблей – я бы не поверил. Но нападение это оказалось до смешного простым и выполнимым.

Проститутка подзаборная и вонючий либерал

Пятьдесят тонн в час – с такой скоростью каждый корабль грузит уголь с немецких пароходов; я с некоторой тревогой узнаю, что его хватает дней, в лучшем случае, на десять пути, а дальше – высматривай в очередном порту угрюмые силуэты немецких спасителей.

И вот Танжер...

Да, мы в очередном, после испанского городка Виго, порту. Мы больше не в Европе. Танжер – это Марокко, а значит, Франция, это совсем рядом с ненавидящими нас англичанами, то есть с их Гибралтаром, но Танжер – это еще и Африка.

Я в Африке. Невероятно.

Как все в ту ночь было: работаю в своей (да, уже в своей, и очень милой мне) каюте, изредка посматриваю в круг иллюминатора – а там россыпь огней, и кто разберет, где эти огни разбегаются по низкому берегу, а где они покачиваются на сотнях кораблей и лодок... Африка.

В очередной раз подхожу к иллюминатору и вижу, что хотя время еще относительно раннее... ну, по моим петербургским привычкам раннее... но на берегу очень мало, совсем мало огней. Есть ощущение, что большой участок берега подсвечивают только корабли. Что бы это значило?

А у нас здесь свой светлый мир, сияют дуговые огни или, возможно, огни Степанова, доносятся крики с палубы, топот, скрип, никто не спит – грузят... нет, грузим уголь. Да, ночью тоже.

А вот это уже что-то странное. Топот у моих дверей, непонятные слова... что за язык? Здесь, в Танжере, живут негры или все-таки арабы? Что они делают на второй сверху, жилой палубе, где каюты всех офицеров?

А вот это уже и вовсе странно. Крики на верхней палубе. Металлические хлопки – это револьверы?

Возникает мысль: сидеть здесь – значит быть загнанной крысой. Кто угодно открывает дверь, просовывает рожу, и тогда мне некуда деваться.

Быстро несусь по железному трапу вверх, меня чуть не сбивают с ног несущиеся, наоборот, вниз наши офицеры.

Наверху ад.

Во-первых, света резко меньше – только что горели эти самые фонари, заливая все нечеловеческим белым сиянием, но их уже нет.

Во-вторых, в носовой части стоит караул из двух человек, с винтовками, настоящими винтовками – и не знает, что ему делать. Потому что все люди черные, и все мечутся; негр, или араб, или русский – все одинаковые, в угольной пыли, только зубы сверкают.

Сверху, с мостика, кто-то указывает рукой и что-то орет, на русском. Здесь, на палубе, длинный человек... да это же Перепелкин... вопит: «Вон, быстро вон!» – и переваливает за борт кого-то черного, с головой, замотанной тряпками. Ноги несчастного мелькают в свете оставшихся фонарей, кто-то еще прыгает в дрожащие на воде огни без посторонней помощи.

Кучка матросов толпится возле какой-то сумки на досках палубы. Потом у этой сумки ставят тот самый караул, с винтовками. Дальше сумку, как хрустальную, с пыхтением ставят на какой-то деревянный, для угля, поддон и мучительно медленно спускают за борт. То есть попросту топят.

И становится тише, загораются успокаивающие красноватые огоньки папирос и матросских сигарок. Это все?

– Желаете возбудить страх читающей публики? – интересуется лейтенант Веселаго, который меня не любит. – Тогда извольте: грузим мы уголь, поднимают его с баркасов, понятно,

местные дикари. Но мы их на палубу не зовем. Вдруг – появляется у нас, наверху, толпа не толпа, но человек этак пять из них, дико озираются. Мы идем и руками им объясняем – обратно, на баркасы.

– А кто прорвался на нижнюю палубу?

– И обеспокоил вас, господин сочинитель. А непонятно кто. Потому что только мы все берем этих гостей в кружок, и тут кучка таких же – они как-то прятались, что ли – начинает палить из револьверов... – Он сморщивается от изумления. – Из револьверов – у этой-то рвани!.. По нашим фонарям. Становится темно. Вы говорите, негры прорвались еще и вниз? А вы уверены?

– Голоса, господин лейтенант. Непонятный язык.

– Не слышал-с, был занят наверху. Извините. Ну, тут вызывают караул, мы бежим на ту же жилую палубу за револьверами – снова беспокоим вас. Илья геройствует, гонит врагов с крейсера. Матросы ему помогают. И – будто никого и не было.

– А вот то, что стояло на палубе?.. Как бы мешок или сумка?

– Простите, не видел. Был отвлечен. Желаете написать? Вот и телеграф на берегу...

– Господин лейтенант, я здесь не для того, чтобы, как вы говорите, возбуждать страх.

– А для чего же? Но простите, Блохин зовет...

Тот же Блохин через пару минут объясняет мне – четко, уверенно, как несмышленишу: имел место дерзкий бандитский налет на крейсер, это не угольщики, а портовые негодяи. Воспользовались неразберихой при погрузке. Вооружены были револьверами и адской машиной, рванула бы на палубе – сделала бы дыру размером с колодец. Грузили наши матросы эту штуку с трепетом, спускали вниз героически, утопили тут без разговоров, не везти же ее на берег, не ровен час взорвем французов или себя по дороге. А то, что не случилось ничего при ее погрузке, так это Господь уберег. Знали бы, что делали, – руки бы тряслись, господин сочинитель. Утром доложим адмиралу и местным властям, и командир попадет в адмиральский приказ.

– То есть зачем же – в приказ?

– Затем, что не обеспечил, не предвидел и не принял заранее меры, – протяжно вздохнул Блохин и пошел отдавать какие-то распоряжения.

Уголь снова с прежним грохотом начал поступать на палубу.

Я мог бы уже тогда заметить маленькую странность происшедшего: зачем нужна была эта самая адская машина, способная сделать дыру в палубе? Но никто не просил меня заниматься тут расследованиями. Другое дело, что я не мог не задумываться – а что вообще нужно было налетчикам на военном корабле, с адской ли машиной или только с револьверами.

И у меня даже было кому задавать вопросы.

Крейсер, как я уже сказал, это небольшой остров, и наш остров – особенный, он всегда будет немножко парусником и немножко прогулочной яхтой (как бы это ни огорчало Лебедева).

Броненосец же – это небольшой город из стали, ошетилившийся пусть и зачехленными, но довольно пугающими орудиями. Здесь, на «Суворове», почти тысяча человек, но люди эти распределяются по нескольким этажам, они же палубы.

Нет, не город, а громадный многоэтажный жилой дом, подумалось мне.

И на этих палубах, возможно, было бы трудно найти нужного мне человека, но тут железный порядок, поднявшихся на борт встречают и очень вежливо, очень аккуратно разводят в разные стороны. Лебедева – к грозному адмиралу. Оживленную и бесконечно доброжелательную Рузскую... да-да, она тоже сопровождает командира крейсера в этой поездке, а ее-то куда ведут и к кому же она тут собралась? Непонятно.

Меня, напросившегося в катер, ведут туда, куда мне и было надо: к Владимиру Ивановичу Семенову, человеку с непонятной должностью: он заведует военно-морским отделом.

В Петербурге я никак не мог поверить, что этот самый Семенов, по кличке Пузырь, с его ключьями бородачки, может быть так популярен у дам, и популярен вполне физически. Потом мне объяснили: вам, загадочным романтикам, не понять, что он их не сводит с ума, а просто развлекает и смешит, и они от этого на все готовы, да не просто готовы, а сами волокут его на острова и в уютные номера там.

Что же касается военно-морского отдела – на самом деле то был отдел, скажем так, литературный. И устроить меня на эскадру, в виде обмена любезностями с господином редактором «Нивы», было для Семенова вполне понятным делом. Особенно с учетом того, что он, представьте себе, пишет морские рассказы, а таковые надо же где-то и кому-то печатать или хвалить.

Наша поездка на катере к флагману была напряженной – Танжер насквозь продувается ветром, катер так и прыгал из одной брызгающейся ямы в другую, но мы с Инессой Рузской...

Я-то обратился к Лебедеву в последний момент, когда он почти бегом проносился к борту, и он быстро двинул вниз бородкой – что означало, что я иду за ним в катер вот здесь и сейчас, в чем стою. Но тут резкой походкой вышла Рузская, озарила меня потрясающей улыбкой – да она вообще улыбается всегда и постоянно. Вот ее – ожидали. Взяла Лебедева под руку и пошла с ним к катеру: хорошо быть дамой.

И вот мы с ней, два пассажира, ехидно обменивались все десять минут пути улыбками: нас не тошнит, как же хороша жизнь, мы в Танжере. А Лебедев сидел очень прямо, профиль его держался в напряжении благодаря крахмальному воротничку, и думал он о чем-то своем. Наверняка неприятном, если верить Блохину, хотя как может командир отвечать за портовых апашей, налетающих на корабль... и все-таки, что им вообще там было нужно. Но тут перед нами вырисовывается черная громада, с которой стекают черные же ручьи, броненосец моют после погрузки угля. И дальше меня конвоируют к Семенову, отдельно от прочих.

– Рад, дорогой вы мой! – встретил меня Пузырь, обнял и пощекотал бородой. – И я вам сразу скажу: мне была телеграмма из столицы насчет первого вашего очерка. Там приятно удивлены. От вас ждали худшего, а тут – между поэзией, дипломатией и философией, пишут они.

– Э-э-м, уважаемый Владимир Иванович, – я постарался продемонстрировать лучшие манеры. – Э-э, я же понимаю свои слабости. Мне приходится их обходить... хитрым галсом. Вот видите тот корабль в трех кабельтовых от нас...

Это была ошибка. Пузырь бросил быстрый взгляд на указанный корабль и пробормотал: «А ведь точно три кабельтова, – и еще добавил: – Быстро же вы учитесь». А тут еще – галс. Глаза его подозрительно блеснули. Я поторопился исправиться:

– Так ведь для вас, Владимир Иванович, любой корабль – открытая книга. Вы знаете его имя, всех офицеров, даже многих матросов, знаете название каждого болта, а мне приходится идти в обход... Куда-то в философию.

Пузырь подобрел. Этот человек нашел прекрасную позицию в жизни – на флоте он писатель, а в нашем литературном и прочем мире моряк; Семенов плавно идет в кильватерной струе неподражаемого господина Станюковича и, конечно, не должен любить других, пишущих о флоте. Больше никаких галсов и кабельтовых, сказал я себе.

– О налете не можете не написать, – сказал он мне, сощурившись.

– Могу, – качнул головой я. – Потому что не понимаю, как и зачем. Что там грабить.

– Так судовая же касса! – всплеснул руками он. – Обычно сзади командирской каюты. Пираты – как о таком не написать? Сколько угодно!

– А вот чего я не напишу ни в коем случае, так это насчет внутренних пружин приказа по эскадре. Он ведь будет?

– Так кто же его, к лешему... Бдительность должна быть. С другой стороны, таковая и была продемонстрирована. Да вы же знаете.

Тут он замолчал и закрутил головой.

– Но ведь как раз не знаю. Тут много для меня загадочного по части, э-м, флотских нравов. Ну вот напомните мне – как ваш адмирал именует некоторые из кораблей...

Семенов радостно посмеялся. Он знал, что об этом я не то чтобы не напишу, но в «Ниве» это не будет напечатано по многим причинам. Прежде всего цензурным.

– Ну, ваш собрат по крейсерскому отряду «Нахимов» – это Идиот, вы же слышали?

– А «Аврора»?

– Проститутка Подзаборная, известное дело.

– Так, а вот как насчет командиров? Я знаю, что командир «Бородина», что ли, – Нигилист Безмозглый. А Лебедев?

– Ну, сударь вы мой, нигилистом он был много лет назад, даже посидел в крепости, а клички у нашего адмирала – это у него быстро и сурово. И навсегда. И весь штаб должен знать, кто есть кто. Он же как свои команды отдает – расчехвостить на всю эскадру Идиота, строй держать не умеет... А офицеры должны знать, о ком речь.

– Так вот Лебедев...

– Хорошо, по старой дружбе – Лебедев ваш проходит под кличкой Вонючий Либерал. И получит же он сейчас... причем быстро получит.

– Господин Семенов, а как бы увидеть этого вашего адмирала?

– Тут же вам не зоосад, дружок вы мой. Но – вот повезло вам, вон он. Ну-ка, за мной.

И Пузырь повел меня по трапам вверх, где я увидел профиль вытянувшегося Лебедева, а перед ним – нечто действительно внушительное.

Рождественский громаден, начал мысленно записывать я. Говорят, что он искалечил несколько моряков, и вот теперь понятно – один размах его кулака, и нет человека.

Кстати, как я довольно скоро узнал, мордобой на кораблях был скорее редкостью, чем правилом. Любители мордобоя не пользовались особым уважением у офицеров. За это можно было попасть под суд. Но одновременно страшные истории про побои ходили и ходят, так же как о том, что матросы в таких случаях обязаны стоять во фронт и жаловаться даже потом не могут.

Так или иначе, если верить репутации, то, что творил с матросами вот этот бешеный бык, описанию не поддавалось. А откуда берется репутация – вопрос сложный.

Еще я мысленно записал: два черных орла на плечах – это много. И адмирал не улыбается. Но он, вопреки моим ожиданиям, молчит и не подвергает Лебедева знаменитому на весь флот дикому разному – говорят, что таковые слышит весь корабль, если не вся бухта. Он просто стоит и на Лебедева не смотрит. Что по-своему удивительно.

Мне его высокопревосходительство сказал два-три вежливых, по его понятиям, слова – о том, что я теперь член большой семьи и он мне не советует это забывать.

После чего глупо улыбающийся Семенов повел меня вслед за молчащим Лебедевым к катеру, шепотом сообщив по пути новость: а госпожа Рузская остается с адмиралом обедать.

И Семенов закатил счастливые глаза.

Опять же – хорошо быть дамой.

Бумажные листы с очередным очерком я должен был отправить почтой из Танжера завтра или никогда. И по дороге к «Донскому» я мгновенно прокрутил в мыслях то, о чем можно и нужно было написать.

Получалось – очень многое.

Первое: корабль – это как кот: он мурлычет, и от этого хорошо. Под ногами что-то все время гудит и проворачивается, палуба чуть дрожит, и это значит, что все в порядке. А вот если вдруг представить себе, что возникает тишина, тогда – страшно.

Второе: корабль – это дом и семья (Рождественский прав). Отбили две склянки – значит, утро, койки вязать и прочее. Койки вяжут этаким коконом в парусину и тащат на верхнюю палубу в какие-то сетки, наружу торчат номерки. Сразу же множество полуодетых мужчин (на радость Рузской?) бегут к длинным желобам и кранам с соленой водой.

Далее стук ложек, но до того крик: «На молитву!». Потом моют палубу, боцманы о чем-то рапортуя, выходит прямой и тонкий Лебедев и смотрит, замерев, на то, как к ноку гафеля (да-да, к ноку гафеля) ползет белизна и синева Андреевского флага.

И я занимаю как бы уже мое место у чугунной тумбы рядом с бортом... извините, это – кнехт; сдергиваю фуражку (если она на мне) и слушаю горн и барабан. Мог бы оставаться в каюте, никто бы не сказал слова, но нормальный человек так то ли не должен, то ли не может делать.

А в одиннадцать свищут к вину и обеду... Боже ты мой, это же время завтрака в моей обычной жизни. И не говорите, что жизнь по столичному времени плоха; такая тоже должна быть. Римские и египетские ночи, вопли философов с трибуны или со стульев, хрупкие и жаждающие любви поэтессы – все это должно быть, без этого нет державы и нет народа. Но полчарки рома и обед, пробу которого снимаем все мы за командиром, – это тоже держава... Или это она без всяких «тоже».

Хорошо, теперь третье. Корабль – это уже не скрипучие доски и бревна, пахнущие рыбой. Это, во всех отсеках, расходясь – электрические провода, переговорные трубы, паровые и водопроводные трубы с клапанами. Электротехника, гидравлика, машины тройного расширения. На мачте, нет, на марсе – ступа Бабы-Яги, обитая железом, рассматривать приближающихся. Сначала ты видишь на качающемся горизонте черный гриб дыма, потом мачты, потом все прочее, а на марсе это видят давно и целиком.

Четвертое и самое интересное – люди. Раньше они каким-то пугающим образом бегали по реям над головой, сейчас – комендоры, дальномерщики и прислуга подачи боеприпасов; и боцманы гвардейского экипажа (что это, есть ли таковые на нашем крейсере?), и баталеры – это не то, что вы думаете, они раздают кокам еду и прочие припасы; но боги всего этого – люди, живущие среди раскаленных и пахнущих маслом машин, во главе с господами инженерами.

Не забыть людей совсем нового века – гальванеров, над которыми есть гальванерный старшина, а над ним опять же господин инженер. Это – те самые провода по всему кораблю и сияние в ночи, эти столбы света, то лижущие непрозрачную толщу воды, то упирающиеся в клубы нашего дыма или в облака.

К матросам я пока ходить стесняюсь, хотя скоро пойду. Мое место – кают-компания, и вот тут много интересного.

Одна группа офицеров – это «парусники», «марсофлотцы» и даже «станюковичи». Другая – люди не столько моря, сколько страшных и тяжелых машин. Как если бы Путиловский завод вторгся в старый прекрасный мир снастей и парусины со своим дымным и мрачным железом, проводами, искрами и грохотом.

При этом настоящие «марсофлотцы» – это чаще дворяне, а «путиловцы» – не обязательно. Но одни без других уже не могут. Вдобавок я слышу странные разговоры, что для инженеров на флоте существуют или вот-вот введут специальные звания, и то, что у одних – лейтенант, у других – поручик. И разобраться в этом невозможно.

И вот Лебедев – ну, здесь совсем загадка. Которую я разрешал шаг за шагом. Это чуть не единственный командир из всей эскадры, которого Бешеный Бык не очень любит разносить, глядя в глаза. За глаза, в приказах – вдвое больше прочих, дай только повод.

– Он капитан первого ранга, но адмиралом не станет никогда, – объяснили мне. – А раз так, что ему Рождественский. Получил свой смешной крейсер, вот так и будет им командовать, и в Порт-Артуре, и во Владивостоке. Все-с. Не выше, так ведь и не ниже.

И еще мне сказали, что однажды этот тонкий, даже хрупкий человек уже соскочил с поводка и уехал во Францию, работать в Марселе – представьте – грузчиком. Привез оттуда жену-француженку и двух дочек. И его уговорили, его попросили вернуться на флот. Пусть и с той самой кличкой – Вонючий Либерал.

В следующем очерке я буду писать не про корабль и людей на нем, а про прекрасный французский мир вокруг, вот про это «Кафе де Пари» на набережной Танжера. Да, пришел другой после поездки на «Суворова» день, я тут сижу и мысленно считаю деньги – богат я по флотским меркам или не очень. Для нижних чинов и даже офицеров десять рублей за сто строк – это выйдет неплохо, так ведь в «Ниве» платят куда больше. А золотой десятирублевик – это 25 франков, и берут его тут без вопросов. Но вот запасные рубашки и всякие мелочи – тут вопрос есть. Скоро я буду убого одет (все истрепывается), а хорошо ли это?

Танжер: я пока не понимаю этот мир. Торговцы подплывают к крейсеру или пешком окружают нас на набережной, с ее неприятно твердой землей. Они черные, но они не негры. Они везут или несут нам открытки, фрукты, нательные сетки, пробковые шлемы (я покупаю один, знаю, что по части цены меня грабят). Вокруг чалмы, фески, странно маленькие куртки, пальмы треплет легкий и теплый ветер. Завтра эскадра уходит дальше на юг, я сюда никогда не вернусь, хотя...

Хотя отгремят бои в Маньчжурии – Порт-Артур держится, Куропаткин начал сражение на реке Шахэ, наступает – я листаю французскую газету, вижу, что вообще-то дела идут не очень, и теперь об этом будет знать вся эскадра (газеты, бесцензурные по петербургским понятиям, покупают многие офицеры). Но после всего я смогу сюда вернуться. Потому что этот мир прекрасен.

А теперь самое интересное. Я перемещаюсь по этому миру на борту более чем странного крейсера. С ним что-то не то.

Вот давайте перечислим.

Единственный во всей эскадре еще почти парусник, с командиром, которого не то чтобы боится адмирал – травит при малейшей возможности, – но я же видел их, стоящих молча друг напротив друга.

Понятно, что единственные два пассажира были помещены именно на таком крейсере; и работа его – идти последним, охранять транспорты, а вот еще и везти пассажиров.

Но непонятно: а почему именно этот крейсер из всей эскадры подвергся налету? Да еще какому: и револьверы, и адская машина на палубе. Часто такое у них бывает, в этом Танжере?

И еще раз про адскую машину. Зачем? Она же смела бы с палубы всех, кто там был. Что за странный способ грабить судовую кассу?

И как тут не вспомнить Либаву и этот взрыв в день отплытия. Адские машины рвут на куски заядлых сатрапов самодержавия на оживленных улицах – а что такая штука делала среди либавских складов, вот вопрос.

Добавим сюда то, что я только что узнал: мы порвали танжерцам телеграфный кабель. И еще один кабель, оставив порт ненадолго без электричества. То есть без связи и без света.

На нашей палубе, помнится, налетчики первым делом расправились с огнями.

Так как же наши корабли рвут все эти кабели – задевая килем? И как тут связано дело с дуговыми и прочими огнями на одном очень странном крейсере?

И что это за непонятные налетчики, которые так грамотно работают – по их черным лицам ведь и не скажешь.

При этом долго пинкертонствовать мне не удастся, потому что эскадра скоро снимется с якоря, оставив все загадки в порту.

– Как обедалось у адмирала, госпожа Рузская? – интересуюсь я у нее, стоящей на набережной и высматривающей наш катер.

– Да он великолепен. Я про адмирала, а не про обед, – смеется она, поворачивается – ленты шляпки летят – и внимательно изучает меня в пробковом шлеме. – А еще великолепнее вот это. Можно больше не бояться заболеть тропической лихорадкой.

Она поднимает цезарианским жестом ладонь, и мы с ней рассматриваем белого красавца, восхищающего всю набережную: сияющий пароход с внушительным красным крестом на трубе. На палубе, представьте, женские силуэты. Это прибыл наш госпитальный «Орел». У нас в эскадре, начиная с Танжера, два «Орла» – черный броненосец и вот этот белый лебедь.

Я – это я

Гальюн – опасное место.

Убедился я в этом примерно в то же время, как перестал мысленно называть его «туалетной комнатой».

Заведение это рядом с офицерской ванной и находится в коридоре – ну то есть на жилой палубе в кормовой части (царство матросов – нос, офицеров – корма). Коридор начинается от кают-компаний, а в другом, дальнем его конце – какая-то дверь, вроде бы тоже чья-то жилая каюта. Итак, я зашел в гальюн у дальнего конца коридора, кто-то не дал мне закрыться...

И умело набросил на голову мешок.

Я не думал тогда о том, что крейсер постоянно подтверждает репутацию странного. Не думал, потому что меня заблокировали и почти придушили не менее чем четыре здоровенные, мясистые руки, и они что-то со мной делали, притом что буквально у себя в ухе я слышал успокаивающее «ну-ну-ну».

Если бы хотели убить – убили бы уже секунду назад, и мешок для этого не нужен, пришла мысль. А раз так, то что если не сопротивляться?

Дальше было нечто совсем безумное. Две руки продолжали меня держать захватом за горло (а ноги блокировали мои колени), а две другие начали почему-то стягивать рубашку с правого плеча, да что там – просто рвать ее. Потом раздалось удовлетворенное мычание, рука сунулась мне в карман (вот тут я взволновался), вытащила несколько франков, оставшихся там с Танжера. Мешок на шее затянулся слабым узлом, раздался топот четырех ног по железу жилой палубы.

Понятно, что, когда я избавился от мешка, рядом уже никого не было.

Мешок был с кухни... с камбуза, раньше, судя по запаху, в нем была гречка. И все.

Придерживая пострадавшую рубашку, я вернулся в каюту.

Итак, двое. Сильных – ну и что? Здесь флот, здесь слабых немного.

Матросы разгуливают там, где живут офицеры, – ну и что? Сюда ходят вестовые (их именуют корабельным телеграфом, разносят матросам новости о жизни офицеров и иногда наоборот). Сюда может прийти любой и позвать офицера к каким-то машинам в соответствующем отделении.

В общем, кто угодно.

Голоса: они только мычали. А вот запах... Я постарался его запомнить. В целом это был запах довольно чистый, без примесей кочегарной копоти или машинного масла, я бы даже представил себе, что со мной разделялись офицеры.

И напоследок: я подошел к зеркалу в каюте, избавился от остатков рубашки и посмотрел на свое правое плечо, которое этих людей интересовало. Мог бы этого и не делать, я знал, что там: архипелаг из трех больших родимых пятен красноватого цвета.

Глядя на это украшение, я иногда ощущаю себя злодейкой леди Винтер, заклеянной лилией на плече.

Ну вот и все. Отъем франков – так, для отвода глаз. Но отводить их незачем, все и так понятно. Кому-то очень захотелось узнать, я это или не я. Что ж, а поскольку скрывать мне нечего...

Вообще-то очень даже есть чего. Но не мое имя и не мои, так сказать, особые приметы. Хорошо, что я не дрался и позволил им удостоверить мою личность.

Но вот кто именно ею интересуется – вопрос. Некто, по неизвестным, но явно интересным причинам желающий узнать, действительно ли на корабле пассажиром плывет Алексей Юрьевич Немоляев. А не самозванец, занявший его место и отравивший похожую испанскую

бородку. И проверяет меня человек, имеющий или имевший возможность поговорить с кем-то в Петербурге, кто видел меня в, скажем, нашем гробном клубе.

Вот теперь они знают, что я – это я. И больше ничего пока не понять. Загадки «Донского» множатся. Но какая связь между этим как бы обыском и, допустим, налетом на корабль в Танжере? Или взрывом в Либаве? Связь такую и представить себе невозможно.

В следующем же порту – а уже известно, что это будет Дакар – надо пополнить запасы рубашек, и не только их. Нужна какая-то обувь, потому что тяжелые питерские башмаки жгут ноги. Об этом я заранее не подумал.

Дело в том, что мы мягко вошли в тропики. И это прекрасно.

Я ворвался в кают-компанию, на ужин и прочие удовольствия, взведенный как курок – и поэтому дерзкий и счастливый.

Тут уже почти как дома: самозабвенные переливы рояля (спасибо, Сергей Васильевич), я вхожу в смех и чуть приподнятую атмосферу, кто-то угощает шампанским Рузскую, я смотрю на нее.

Она изменилась. Просто сменила платье, тона его – нежная трианоновская зелень с серебром, и она вся устремлена вперед – к Блохину, многократно кивает его словам... Она ведь почти красива, пришло мне в голову. Не очень молода, но – вот этот хорошо очерченный нос римской патрицианки, мгновенная улыбка как сигнал прожектора с горизонта. Вот она, так же мгновенно, улыбается мне – входящему, и снова все внимание – Лебедеву, а что он говорит, я не слышу. И теперь она улыбается уже одному только Блохину, иногда склоняя голову то вправо, то влево.

А дальше я, кажется, зря это затеял – начал немножко задирать Илью Перепелкина.

Почему именно его... ну, он заметный человек и вдобавок приблизительно моего возраста. Но вряд ли я смог бы выкинуть за борт налетчика так, как он сделал это недавно на моих глазах – расставил длинные конечности, схватил врага под коленку, рванул вверх, добавил ногой.

А вообще-то мне попросту надоел мой дальний конец стола, там, где скучный и добрый доктор, священник отец Петр и все такой же напряженный Дружинин. Мне хотелось туда, где шампанское и дама (это нормальное и правильное желание), но там шел оживленный разговор, увы, без меня. А вот Перепелкин сидел ровно посреди стола и еще напротив. И он имел в тот вечер неосторожность высказаться по поводу политики, примерно так:

– Передовые? Все передовые люди радуются нашим неудачам, раскаляя народ и раздирая перед ним язвы государства.

– Значит, наши удачи оставят нас без передовых людей? – бросил я ему реплику от буфета (а поэтому довольно громко). Взял там полбутылки белого крымского и пошел к своему месту.

– Поэты останутся, – утешительно сказал он мне, поворачивая светлую голову в мою сторону, и сказал тоже довольно громко. – Будут оплакивать гибель и распад неважно чего. Стервятники, без запаха падали и разложения им никак.

– Научите их! – не успокаивался я, и нас обоих начали слушать почти все. – Дайте им хоть одну строчку без падали! Свою!

И я снова увидел это великолепное зрелище: он крепко сжал губы, будто пытаясь задавить смех, но смех не давился – просто звучал как короткий всхлип.

– Одну строчку, Немоляев? Свою? Получайте: ищите новых путей, идите сквозь ночь.

– Слабовато, Перепелкин! Хотя без падали, точно. А вот так: искатели новых путей, идите сквозь ночь! Чувствуете разницу? Без пессимистичного шипения в начале строки. Ищ-щ-щите...

– Вторая строка вам: близок огонь, близко великое время.

– Так, э-м-м, да. Рассвет ослепляет – и демоны прочь. И – э-м-м... пальцы в эфес, и вдень ногу в стремя.

– Браво, господа! Это неожиданно!

– Кто выиграл?

– Лейтенант Перепелкин, вы – Овидий!

– Не быть бы ему Овидием, если бы я не поправил ему первое слово, и тогда все зазвенело! Слабовато, Перепелкин!

– Ах, слабовато! – тут в его глазах засиял тот самый смех, который до того не мог прорваться сквозь губы. – В поэзии, значит, вы победили, но вы хотите силы? А вот как вам?..

И он поставил на стол локоть, поднял кисть к потолку и сжал кулак.

Раздалось всеобщее «о-о-о», и нам пошли расчищать место на моем конце стола (потеснили священника без почтения к сану).

– Извольте снять кители, господа! – командовал мичман (кажется, Селитренников). – Примериться!

Мы с Перепелкиным сомкнули руки. Теплая, здоровенная рука, и шершавая. Явно скорее из «путиловцев», а не «марсофлотцев». Что я делаю – он же победит. А с другой стороны, не много ли мне поражений для одного дня? Я не забыл этих, которые давили мне шею в галюне. Хватит.

Он начал гнуть мою руку к столу сразу и плавно, под торжественный вой господ офицеров – а вот и Рузская с раздувающимися ноздрями подошла к нам совсем близко.

Настолько близко, что я уловил запах ее духов. Который теперь, если где-то слышу, то вижу ее и только ее.

Я знаю, что если давить долго – это провал. Надо сберечь силы, поймать момент, такой, чтобы противник абсолютно не ждал сопротивления.

И кстати, о том, кто я такой – это я, и это мои родинки, но никто здесь понятия не имеет, кем и чем я стану после возвращения. И не будет иметь до конца путешествия, да и сразу после. А раз так, надо использовать время, учиться побеждать.

Рывок! Рука Перепелкина почти легла на стол, он мотнул лобастой головой. Вот так-то. Сейчас он соберется с силами, опять будет давить всем плечом, а я выдохну, соберу всю энергию в одной точке, и...

И по кают-компаниям прошел общий вздох. Кажется, никто здесь не ждал, что выиграю я.

Вот так, господин Перепелкин – это вам не арабов с неграми за борт кидать.

– Дуэль выиграна господином Немоляевым! – без удовольствия возгласил Селитренников.

– Дуэль? – сощурился Перепелкин и даже перестал смеяться. – Ну, это не дуэль.

– Хотите – я брошу вызов, и будет настоящая.

(Что со мной творится?)

– Принимаю.

Оттуда, где кустилась борода Блохина, раздался мощный кашель.

– Не извольте беспокоиться, – крикнул ему Перепелкин (а голос у него хороший, что-то вроде баритонального тенора). – За мной выбор оружия, и оно вам понравится. И я вам даже скажу место дуэли – в Дакаре.

– А, это другое дело, – Блохин явно понял что-то такое, что мне было неясно. – Если это то, о чем я думаю, тогда согласен. Если же это то, о чем я и думать не хочу, то запрещаю.

– А теперь бы вдобавок к вину – коньячку, – сказал я устало. И снова пошел к буфету.

Лебедев аккуратно поворачивал свою замечательную сигару в длинном языке пламени от толстой спички, и то, и другое он держал почти на коленях.

И снова был Рахманинов.

А Русская смотрела на меня, чуть подняв темные брови, и молча, почти по-перепелкински, смеялась.

С каждым днем путешествия население крейсера все заметнее перемещается в моменты отдыха на палубу и кормовой балкон; адмирал издал приказ насчет летней формы и фуражек с белыми чехлами (и это конец октября!). С носовой части звучит гитара, какой-то веселенький вальс. Позади нас расходятся циркулем две дорожки пены, и если раньше «Донской» был последним в колонне из четырнадцати кораблей, то теперь за нами идет белый красавец «Орел» с красным крестом, видимым издалека.

А больше до самого горизонта никого нет: раньше английские крейсера сопровождали нас, как арестантов, по пути из Европы. Но теперь мы перемещаемся в другой мир. И я жду его с замиранием. Потому что этот другой мир говорит, так же как и я, на французском.

Да, в следующем очерке я обязательно скажу о неуловимо светящейся изнутри закатной воде, из которой рассыпаются бледно-зеленые искры, и о том, как мигают друг другу огни мачт закованной в сталь корабельной колонны. Но любой очерк должен нести одну главную мысль, и вот она: Россия, подобно нашей эскадре, всплывает в новый и неведомый век.

Да, мы застряли в затянувшемся девятнадцатом веке – ничего не происходило в сонной стране и в тысяча девятьсот первом, и во втором... И надо было иметь очень острый взгляд, чтобы видеть, как поменялись люди, как поменялся мир. Россия сейчас – молодой лев, готовый к прыжку.

А мы – это те, кто поможет этому льву прыгнуть, сказал я себе, хорошо зная, что вот этого ни в каком очерке не скажу.

Скажу еще – вот примерно так: гений Чехова оплакал тоскливый сон и неясные мечты уходящего века, но какой Чехов мог предвидеть, что в год его смерти десять тысяч русских будут, под клавиши рояля и звон гитарных струн, огибать Африку, путешествуя от одного французского порта к другому? Танжер, Дакар в Сенегамбии, Габун... я уже знаю, что в каждом из них мы пойдем по французским лавкам и потом будем отдыхать в разных «Кафе де Пари» под зонтиками.

Последние годы ушедшего века страна проспала в маленьком европейском мире, до каждой точки которого можно было доехать за несколько дней, мягко покачиваясь на стальных рельсах. Но настоящий мир – он другой, он огромен.

Что нам эта Европа? Она невелика и проста. У нас в ней есть необъяснимый враг – владеющая миром Британская империя. У нас есть также друг, это германский кайзер, который готов загрузить нас каким угодно количеством угля, чтобы только весь наш флот ушел на Дальний Восток и оставил Балтику немцам. И у нас есть еще один друг, это французы, боящиеся и немцев, и англичан, а поэтому они весьма боязливо – с оглядкой на Лондон – открывают нам объятия по пути эскадры в другой конец мира. Вот, собственно, и вся Европа – а прочее есть римские развалины и курорты с казино Баден-Бадена, не более.

Но вот другой, огромный мир, который мы режем киями кораблей день за днем, а он все не кончается; вот он, этот мир, где в джунглях ревет дикое зверье и живут голые племена; где горстка французов в маленьких портах встречает нас, как долгожданных друзей... и это странный мир.

Странный потому, что его невозможно представить себе без гордого европейского завоевателя. А что было бы, если бы Африке позволили остаться собой? Загадка.

Но сегодня ясно только одно, что Россия в этот мир не успела. Потому что дальше по африканскому побережью будет один немецкий порт, еще дальше владения зверей-англичан, а вот потом, потом...

Может быть, Россия не была собой, пока перед ней не открылся свой мир, такой же, как у англичан и французов, только лучше. Дальний Восток. Порт-Артур, Маньчжурия, земля

китайцев, корейцев и японцев, у которых были свои короли и императоры, когда Европа еще спала в варварстве.

И это будет другая Россия, когда она прильнет к человеческому морю этого нового мира, с его сокровищами знаний и чувств, и сольется с этим морем. А мы, с нашими крейсерами и броненосцами, – мы вестники нового века России, режущие светящуюся в ночи волну. И каждый матрос, не видевший раньше ничего, кроме наших сонных полей, а сейчас увидевший и понявший мир таким, какой он есть, уже не будет прежним человеком. И раз так, Россия не будет прежней.

И вот мы продолжаем свой танец кораблей. Вот они идут, под всплески клавиш, в нашем полонезе, нашем менюэте по волнам – и перед нами новый век, новый мир и новая Россия.

Вот примерно так может выглядеть новый очерк. Если только... если только к моменту, когда он придет, через Марсель и Париж, в мою «Ниву», в Маньчжурии не произойдет чего-то катастрофического.

Ведь можно же предположить, что японцы возьмут Порт-Артур? И еще как можно. А тогда писать нужно, заранее рассчитывая и на плохой ход событий.

Этот ветер называется пассат, он чуть не унес шляпку, завязанную под подбородком Инессы Рузской. Она проходит мимо меня, держа под руки одновременно и Лебедева, и Блохина, до меня доносится ее низкий голос:

– Чепуха на птичьем молоке. Не пытайтесь понять женщину, господа. Только женщины понимают друг друга и поэтому друг друга ненавидят.

И дальше голоса не слышны, только смех.

Как это бывает, подумал я: еще неделю назад я замечал в равной степени всех на корабле, от матросов до господ инженеров и господ артиллеристов, а сейчас везде вижу только эту Рузскую, которая становится все интереснее на глазах.

Потом посмеялся над собой: кажется, пора писать очерк о том, что происходит с моряком, месяц не видящим женщину. Что тогда этот моряк делает? Ну, он сходит на твердую землю в иноземном порту... И когда я сойду на землю Дакара, увижу там если не француженку, то... то что я буду делать тогда?

Шесть вечера – это закат, а семь – чернота, мигание мачтовых огней и все такое же неуклонное продвижение кораблей с затемненными иллюминаторами на юг. И гораздо позже, когда начала пустеть палуба, я услышал над ухом уверенный женский голос:

– Ваша поэзия прекрасна, господин Немоляев, но как насчет прозы?

Оборачиваюсь, вижу Рузскую, без шляпки, с большим и пушистым полотенцем и сумочкой-несессером в руках.

– В этой ванной плохо работает защелка, и мне не помешал бы рыцарь, охраняющий мою скромность. В прошлый раз я, кажется, смутила кого-то, ворвавшегося в ванную. Да? Вы согласны? Обещаю поспешить.

Но она никоим образом не спешила, когда я сторожил ее скромность в коридоре, прислушивался к струям воды, вздохам (сдержанным вздохам) и робкому звону флакончиков. А когда вышла, посмотрела на меня – опять же, по привычке, любезно и строго – и сказала:

– А кстати, господин Немоляев, мы с вами постоянно видимся, но мало говорили. И если вы не беспокоитесь уже о вашей скромности, то – вот это же вход в вашу каюту?

Там мы немедленно перешли на шепот, потому что сквозь эти двери многое слышно, да, кстати, они не запираются изнутри, здесь все-таки военный корабль, а не лайнер.

Но помочь женщине вытереть последние капли воды сначала с шеи, а потом уже и ниже, можно и молча.

– Я должна была бы смущаться вас, господин Немоляев, – бормочет она мне в плечо, – потому что – ну в самом-то деле, не очень молодая женщина соблазняет вас, пусть даже вы все время смотрите на нее этакими неприличными глазами... но...

И, уже на откидной, но достаточно удобной кровати:

– Но вы же слышали, наверное, что женщина... да, да, вот здесь хорошо... должна добиться, наконец, одинакового с мужчиной права искать, завоевывать, брать, а не уступать так называемым мольбам. Ну и... я подумала...

И еще чуть позже:

– А знаете, сколько всего интересного вы можете сделать с женской грудью? Если нет, то не стесняйтесь у меня научиться.

И потом, совсем потом:

– А теперь десерт после десерта – пошептаться на подушке. Вы же интересный человек, господин Немоляев. Расскажите, откуда вы родом, а потом я спрошу у вас, почему вы не бесприютный поэт, а какой-то очень, очень серьезно мыслящий человек из «Нивы», как это с вами такое в жизни случилось...

И мы доедаем с ней два последних апельсина из Танжера и шепчемся, шепчемся.

А цепочка кораблей так и режет светящиеся волны, которым нет конца.

Черный день эскадры

– Поскольку вы не назвали имя вашего секунданта, вам придется удовольствоваться услугами секунданта вашего противника. То есть моими, – мстительно поклонился мне лейтенант со смешным именем Веселаго.

Да у меня никто и не спрашивал имени моего секунданта. Господа моряки надо мной очевидно издеваются, ждут, что без секунданта я остановлю дуэль и гордо пойду в каюту читать книжки и писать очерки.

Не дождетесь.

Перепелкин, длинный, как бы это сказать – головастый? – ну да, красиво обрисованный череп... стоит где-то, видимо у барьера, в скудной полотняной робе, в рукавицах, и опирается на лопату, как на двуручный меч. Я плохо вижу его сквозь непроглядную пыль.

Вокруг – жуткий, черный, пахнувший копотью мир вместо элегантной палубы, совсем недавно поспорившей бы с лучшими океанскими лайнерами.

Приход эскадры куда бы то ни было начинается, а часто и заканчивается одним и тем же – и матросы, и офицеры высматривают в очередной гавани мрачные силуэты германских угольщиков. Тут, в Дакаре, их было целых одиннадцать штук – и с палуб раздался коллективный вздох облечения и ужаса: живем. Но живем страшно.

Потому что грузить предстоит весь следующий день и ночь. И, сразу скажу, это предстояло нам, раз за разом, все наше путешествие – черная немецкая стая огибала вместе с нами земной шар, снова и снова везя корм для пылающих топок там, внизу.

Броненосцы стыкуются с угольщиками борт о борт, превращаясь в странное двойное создание. Но с какими-то кораблями этого не получается, и тогда в ход идут баркасы, как бешеные работают тали, лебедки – как оно там называется, то, что крутится, скрипит, поднимает на борт поддоны с мешками (узнать морские термины у любого в кают-компании).

И нам грузят этот уголь мешками, а то и навалом. И эти корабли-двойки, и баркасы, и весь мир вокруг постепенно скрывается в громадных черных облаках. Не говоря о том, что сейчас черный мир чудовищно жаркий – у нас зима, а здесь находится невозможно даже на палубе, не говоря о каютах.

И вот в этом ужасе начинается работа – для всех, и срочная, и бегом: надо нагрузить каждое бронированное чудовище углем выше всех мыслимых пределов, поскольку каждая погрузка оказывается везением.

О везении – позже, сказал я себе (моя голова сама по себе обдумывала очередной очерк, который я собирался назвать или просто «Уголь», или даже «Черный день эскадры»). А сейчас – вот-вот начнется.

– По требованию того, кому был брошен вызов, то есть лейтенанта Перепелкина, дуэль будет идти до полного изнеможения одного из дуэлянтов, – беспощадно чеканит Веселаго.

Это что за шутки – я-то думал, что соревнование будет на скорость или на объем груза. Или на то, чтобы выдержать, допустим, полчаса.

– Дуэлянты вправе запросить пощады и выйти из боя, признав поражение, – продолжал он (как же, ждите). – Раз в пятнадцать минут объявляются двухминутные перерывы, дуэлянтам принесут пресную воду, которой им хватит, чтобы выпить и еще вылить на голову.

Со словами «Примерьтесь, вашескородь» сочувствующие матросы вручили мне лопату и рукавицы. Секундант Веселаго, не преминув окинуть меня ехидным взглядом, немедленно отобрал у меня лопату, сделал то же с Перепелкиным, поставил их рядом (лопаты оказались одинаковы), вернул обе по принадлежности.

Не то чтобы мы, как в вагнеровской опере о мастерзингерах, были окружены толпой зрителей. Люди на крейсере вообще-то падали с ног, от дикой жары в машинах и кочегарках

прежде всего. И оттого, что практически все грузили уголь. Да, иногда даже офицеры, потому что по всей эскадре командиры очень даже приветствовали, когда офицеры подают пример – то есть сами берутся за лопату. А адмирал объявил премии за самую быструю работу, в основном для матросов. В общем, Блохин уже проходил мимо и одобрительно качнул головой. Он-то знал, что в Дакаре будут загружаться углем сверх всех мыслимых пределов, и их с Перепелкиным обмен загадочными репликами там, в кают-компании, явно о том и был: если вы выберете вот это как бы угольное оружие, то я соглашусь, а настоящий поединок запрещаю, даже не сомневайтесь.

Я обвел взглядом все вокруг: зрители если и были, то лежали в изнеможении, привалившись к борту. Они все тут успели побывать внутри черного облака.

– Готовься! – протрубил Веселаго. Я крепче взялся за лопату.

Передо мной была громадная, к счастью – застилавшая солнце, гора... фактически камня. Она загромождала палубу. Это был тот уголь, который поднимали нам на палубу навалом в сложенном парусе – и струили вот сюда. А команда должна была лопатами сгрести его через горловины, через брезентовые рукава вниз. Что, собственно, я сейчас и собирался делать.

Ну а как складировали этот ужас там, в раскаленном металлическом нутре крейсера, я старался не думать.

– Раз! Два! – прогремел Веселаго. И – совсем уже драматично: – Пошел!

Я воткнул лопату в середину кучи. И ничего ведь страшного.

Первый котелок воды я счел чрезмерным, отпил немного, часть вылил на голову, а половину вернул секундantu. Затем сказал себе, что лучше не думать о том, что делаешь. Перевел взгляд на Перепелкина – лицо неузнаваемо темного цвета, оскаленные белые зубы, движется как механизм, в оголенных местах промасленный, поблескивающий влажно.

Так и я тоже механизм. Руки, плечи и все прочее работают сами по себе, а я как таковой тем временем окончательно решаю, как построить новый очерк. Примерно следующим образом: мои уважаемые читатели полагают, что в экспедиции нашего флота все решит калибр беспощадных орудий и мощность паровых котлов – те самые позорные девять узлов хода, или двадцать пять у японских миноносцев. И никому не придет в голову, что судьбу экспедиции может решить уголь, или, точнее, его отсутствие.

Авантюра не в том, чтобы прорваться, дыша огнем, в Порт-Артур. Она в том, что наши союзники-французы робки и запуганы, а настоящий наш противник может всего-то положить железные британские когти на их глотку, и вся наша эскадра с ее орудиями и минами застрянет где-то у африканских берегов. А еще можно нажать на германцев, и вот нет больше угля.

Потому что взгляните, дамы и господа, что происходило в Виго и Танжере, а сейчас творится здесь, в Сенегамбии...

Тут я повернул затекшую шею в сторону берега и увидел, что берега нет, крейсер и все мы в черном облаке, это на палубу извергается очередной парус с углем, и углю нет конца. А мне в этом облаке теперь приходится еще и делать несколько шагов с тяжелой лопатой наперевес, потому что там, где ближе к рукаву, уходящему вниз, там я уже расчистил палубу, теперь надо тянуться за углем дальше.

Второй котелок воды я употребил весь, и мне его было мало. Держись, Перепелкин...

Итак, все боятся помогать нашей эскадре – все, кроме германцев, вот они нам настоящие друзья. Испанцы в Виго пришли в ужас, боясь грозных англичан, и долго переписывались с Мадридом – как это так, русские грузятся немецким углем в их гавани, что делать? Танжер – это уже Франция, Дакар тоже, но губернатор в Дакаре запрашивал Париж – и он, союзник наш, отказал!

А корабли к тому времени уже заканчивали работу, поздно, друзья. Рождественский – да, он самодур, да, он избивает матросов, калечит их (а можно ли об этом писать, как насчет

цензуры), но в отношениях с союзниками без самодурства никак. Он просто грузит уголь, а дипломаты тем временем вставляют шпильки друг другу. Кстати, дипломаты эти и сами все понимают – наши, флотские, и французы с испанцами; и они просто танцуют с нами изящный танец.

Третий котелок – мы что, работаем уже три четверти часа? Черный демон сверкает белками глаз – это Перепелкин побеждает меня там, во мраке; мир исчез, хотя вон она, чистая и почти прохладная, зеленовато-прозрачная, наполненная светом и рыбками вода, по ней к «Донскому» идет черный катер, на носу его белая фигура в средневековых развевающихся одеждах... Это мне снится.

Очерк должен быть с цифрами. Вот: никто и подумать не мог, что броненосец примет на борт более двух тысяч тонн проклятого угля, после сорока с лишним часов непрерывной работы всей команды. Наш «Донской» принимает вдвое меньше? А вот еще взмах лопатой...

Но теперь наших красавцев-кораблей больше нет. Есть чумазные горы металла, уголь лежит везде, из-за него матросов выселяют из кубриков и укладывают в коридорах и на палубе (на которой заодно и прохладнее, всего-то градусов тридцать). Для этих черных куч плотники сооружают деревянные загоны прямо на палубах, рядом с такими же загонами, из которых доносится мычание и блеяние – немцы подогнали также суда-рефрижераторы, но несколько сотен человек на корабле нуждаются в немалом количестве мяса, лучше свежего...

И эта угольная пыль везде, ее не смыть так, как это можно сделать на палубе; она течет черными речками во всех внутренних помещениях во время ежедневной уборки... Куда пойдут эскадра дальше и где остановится... где остановится... солнце в траурной угольной кайме, записать... где остановится – адмирал сообщит только уже в море, вне связи с берегом...

Где чертов котелок, дайте хоть морской воды... Перепелкин падает на колени, поднимается, опираясь на лопату, я стою – если это мне не кажется, и катер подошел, и там белая фигура – неужели женская... Да, так вот – никто на эскадре не должен знать, где наша следующая остановка и где нас будет ждать новый угольный ужас... ужас... ужас...

Белая фигура выплывает из черных облаков, она высокая, эта фигура – это потому, что я лежу. Ангельские одежды летят надо мной по ветру.

И у ангела этого удивительные зеленые глаза и вздернутый нос. А еще он смешно говорит – ломающимся, высоким, незабываемым каким-то голосом, а еще ангел не умеет произносить букву «р». Он и правда женщина, нет – он совсем юная девушка, и он упрекает кого-то:

– Что вы делаете, господа? Господа, на «Ослябе» сегодня скончался вахтенный начальник, лейтенант Нелидов. От солнечного удара.

Да нет же, не от «удара» – она говорит... она говорит «удар-га», или просто «удага», и делает это с удовольствием, раскатывая слово. И то же с «обмогоком».

– Это пока только обмогкок. Положите под тентом, сейчас я его посмотрю...

Тут я вижу что-то страшное: ко мне бежит боцман, а может, просто матрос, направив на меня ствол чего-то вроде маленькой пушки. За боцманом тянется длинный брезентовый рукав, уходит за край зрения, за край мира... И меня смывает, гонит к корабельному борту тугой поток невкусной соленой воды, и меня вытаскивают из черной лужи, окатывают соленым потоком снова и тащат куда-то на мостик, где веет ветер и видно море.

А Перепелкин стоит на одном колене среди черных луж, но пытается подняться, и лопаты он не выпустил.

Я проиграл дуэль.

А там, внизу, постепенно пришла в голову мысль, матросы в трюме работают голые, с завязанными лицами, в зубах держат паклю, чтобы не задохнуться. Складируют спущенный нами вниз уголь. И на палубе нашими лопатами машет кто-то еще. А я тут лежу, и я жив. Потом пришла другая мысль: если они перенесут меня в каюту, то я там сварюсь.

Но никто меня не трогал здесь, на горячем ветерке, и только ближе к вечеру пришел чистый – переодетый во что-то почти не запачканное углем – Илья Перепелкин. Он плохо выглядел, то есть нахальные карие глаза его были слегка усталыми.

– Ну и вот, – сказал он мне. – Командир вызывал и не то чтобы страшно ругался, а вот это – «знаете как...» И теперь я знаю как – если у вас есть вопрос или что угодно, то я готов. Быть как бы помощником, Вергилием в аду и проявлять флотскую вежливость и гостеприимство. Потому что хотя дуэль я выиграл, но честно, вот честно – не ждал, что ты... вы... столько продержитесь.

Я молчал и улыбался. Под головой у меня было что-то брезентовое и удобное, но все-таки я сел и pokrutil ею. Она работает.

И она думает: а ведь Перепелкин – это я, и наоборот. Вот не пошел бы я в филологи в Петербургском университете, не носил бы свою бородку таким вызывающим образом... а пошел бы по технической части, как он...

– О чем следующий очерк – не об угле ли?

– Угадал... угадали.

– Вот что, Алексей, – а как насчет рюмки водки, и не просто, а на брудершafft? За ужином, конечно. Отлично лечит голову, рекомендую. Именно водка. А насчет угля я сейчас расскажу такое, что здесь никто тебе не расскажет. Очень пригодится для читателей «Нивы». Значит, так: была у нас большая семья парусных кораблей, да вот хоть «Донской», но пришел новый век, и появились броненосцы – а штука в том, что ведь они могли быть другими. О, это такая история... Так вот, если ты не знал – первые паровые броненосцы и крейсера задумано было делать на дровах. И их даже сделали, два первых образца. Я их сам видел, и сегодня стоят у стеночки, старенькие такие.

– Ага, – с уважением сказал я.

– Теплоотдача сухих березовых дров не настолько уж ниже, чем этого угля. А березы в матушке-России сколько угодно, сколько угодно...

И он с ностальгической тоской перевел взгляд на горизонт.

– Береза и дешевле, между прочим, на единицу получаемой энергии. А запах! Это же Парижу не снилось!

Тут он поднес к собственному носу-кнопке пальцы щепоткой и чуть потряс ими.

– Когда они шли по Финскому заливу, эти первые броненосцы, за ними стелился этакий прозрачный, незаметный дым, и какой же был запах – печей, родных сел и лесов... Но дальше эти заскорузлые, из Адмиралтейства, задали простой вопрос: Россия – океанская держава или нет? И как это мы будем бороздить моря, если надо будет доставлять за тысячи верст березовые дрова?

– Ты не поверишь, Илья, но я слышал об этом, – чуть разочарованно отозвался я. – У меня прекрасная служба, все время встречаюсь с интересными людьми... Так вот, я говорил с двумя корабельными инженерами, из тех, которые делали чертежи дровеносцев. И я даже знаю еще одну причину, по которой мы сейчас перешли, как все, на уголь. А ты, может, об этом и не слышал. Так вот, эти броненосцы, когда шли прямым курсом, то топили их обычными, прямыми дровами. Но на поворотах-то требовались кривые! И вот с заготовкой кривых дров возникла проблема...

Он смотрел на меня ровно секунду, потом глаза его ожили, губы дрогнули – никаких уже попыток убить собственный смех, он сказал «га... га-га-га» громовым голосом. И продолжил распугивать этим хохотом команду.

Так у меня на крейсере появился хороший друг.

Хотя друг не без странностей. Потому что, поднимаясь со своего лежбища, я задал ему простой, вроде бы, вопрос:

– Илья, а кто это был – девушка с зелеными глазами? Она же мне не в бреду явилась?

Но ответ его был такой:

– А это, друг мой Алексей, секрет. Но ненадолго. Потерпи.

Об ангелах и прогрессе

После черного угольного ада – вот он, белый рай.

И вот он, белый ангел, стоит передо мной... да-да, снежный головной убор, монашески стягивающий лоб, и еще на этом лбу красный крест, как знак милосердных небесных сил. И пониже эти зеленые, эти аквамариновые глаза, вздернутый нос. Она не сон, она есть. И меня ей представляют: Вера Николаевна Селезнева. Будущая Перепелкина (о господи).

– Алексей, только тебе доверю самое дорогое, – говорит мне Илья. – Пятнадцать минут, и я снова здесь. А ты отгоняешь от моей невесты диких псов.

Тот самый сдавленный как бы смех – и он исчез в аллее дакарских пальм.

Невеста? И ангел? Ну конечно же, мне можно ее доверить.

В памяти мгновенно мелькает Инесса – тяжелое, пахнущее страстью тело, закушенная губа и кошачий отдых на мокрых простынях... Это у меня есть, а раз так – что ж, я могу доверить самому себе еще и вот это: собственное тихое восхищение музыкой небесных сфер.

А музыка тут вот такая:

– Давайте сядемте. Потому что без бокала этого пекгасного лимонада я немедленно умгу! И даже не думайте смеяться.

– Госпожа Селезнева, я же стою – а вот уже сижу – с каменной физиономией, она у меня не смеется... Я безупречен.

– Но вы же думаете, и мысли не скгыть. Вы думаете: она могла бы сказать «чудесного» лимонада, без которого немедленно «скончалась» бы. Так? И невдомек вам, несчастный, что мне нгавится моя буква «г». Я от нее в востогге. А, мегси. Потгясающий напиток.

Вы не поверите – это почему-то не очередное «Кафе де Пари», которое воспринимается как неизбежная часть нашей прогулки по заморской Франции где бы то ни было. Это вовсе даже терраса «Отель Насьональ», прикрытая громадным тростниковым навесом.

Вокруг белые брюки и белые пробковые шлемы господ офицеров, радующихся как дети твердой земле и тентам неизбежного «Кафе де Пари», как бы оно ни называлось. Все пьют лимонад, все смотрят в нашу сторону, кто откровенно завистливо, кто обреченно-отрешенно. Все знают, что невеста боевого товарища – это не предмет для амикошонства, и раз так... будем рады хотя бы прохладе.

– Госпожа Селезнева, э-м-м-м, прежде всего мои комплименты. Перепелкин меня победил с лопатой наперевес. После этого только остается смирение и признание того факта, что такой муж – это отличный выбор.

– Вы – и смигенный? Да никогда. Сейчас начнете мягко показывать, какой вы гландиозный человек. Ну, ггузить уголь вы не умеете, хогошо, но – но?

– Но он, то есть я, благовоспитанный и еще стишонки пишет.

– И пгавда пишете? И ты, Бгут?

– Вообще-то нет, – скромно признался я. – Только очерки в свой журнал. А стихи... Знаете, госпожа Селезнева, как это бывает: оно стоит перед глазами, но оно не стихотворение, а только хочет им быть. Но не может.

– Как сложно... А напгимег?

Я постарался выглядеть одновременно скромным и загадочным, но речь-то шла не о какой-то импровизации. Они, эти образы, и правда постоянно стоят у меня в глазах – но в стихи превращаться отказываются.

– Ну напгимег, то есть – простите – например...

– Я газозлюсь...

– Не верю, потому что сейчас буду говорить именно о вас, то есть о белом ангеле. Ну, э-э-э, знаете ли, вот примерно так: их двое, и...

Тут я оглядел набережную, почти до отказа заполненную нашими матросами (многие украдкой бросали взгляды на мою собеседницу – сколько недель они попросту не видели женщину?).

– Ну вот вообразите – их двое, и она спросила: что такое история?

И он ответил: вот ангел, которого несет в будущее спиной вперед,
И еще он сказал: а история – это груда развалин,
И ангел хотел бы вернуться к ней и все поменять,
И исправить все, что там было сломано,
Но из рая дует штормовой ветер,
И шторм несет ангела в будущее – спиной вперед,
А называется этот шторм – прогрессом.

Мы долго молчали. Что в этих зеленых глазах – она сочла меня умалишенным, она смеется надо мной, она сейчас достанет шприц и милосердно вколает мне чего-то успокаивающего? И вот я только смотрю, смотрю на ее губы в пузырьках лимонада.

– Я не могу найти рифмы и не знаю, что делать дальше, – признался наконец я. – Но только не надо мне мстить и говорить, что это ужасно оригинально и прочее. Еще злитесь?

– Нисколько. Потому что вы меня ксасиво злите, – задумчиво проговорила она, посматривая на приближавшийся белый циркуль – размашисто шагающего Перепелкина.

Пример глубочайшего военного разврата

«Так напишите же свою историю», – сказал мне великий Рахманинов. И вот сейчас я в ужасе понимаю, что история получается странной, потому что я просто описываю все как было.

Ведь на самом-то деле моя история в том долгом путешествии – это детективный боевик посреди страшной войны. Множество героев этого сюжета оказались не теми людьми, что я думал. Одни из них уничтожили друг друга. Другие были уничтожены безо всякого смысла и логики, потому что была война, а на войне убивают просто потому, что убивают. И сегодня жалко всех, что бы они тогда ни совершили – а кто-то ведь не совершил просто ничего, ни подвига, ни злодейства.

Детективный боевик – он ведь должен быть динамичным. А в реальной жизни сначала, неделя за неделей, я просто не понимал, что живу посреди детектива – и, видимо, не мог понять. Сейчас я знаю, что то были лучшие дни всего путешествия. А тогда я жадно подгонял время, потому что думал, что дальше будет уже какой-то полный восторг.

Путь вдоль Африки, от Дакара в Габун... на том отрезке не было никаких загадочных пиратских налетов или мешков на голову (бурные события возобновились позже, и еще как). А слово «война» я просто забыл. Ведь жизнь была прекрасна – в том числе потому, что дружба с Перепелкиным сделала меня чище.

Дело в том, что он приказал своему вестовому стирать для меня то, что я раньше пытался стирать сам. Я выпрашивал у баталеров корабельное мыло – специальное, растворяющееся в соленой воде. Стирка – это руками, с ополаскиванием в забортной воде. Сначала я делал это один на палубе, под жалостными взглядами как матросов, так и офицеров. Потом понял, что лучше быть в толпе. Это когда раздается приказ «на мойку» – и по всей палубе, с разложенными на ней койками, одеждой, простынями, толпа матросов скребет что-то вручную. Ну и я среди них, стараясь быть незаметным.

А потом раздалось – со странным акцентом: «Дозволите, вашбродь», – и вошел...

Передо мной было смуглое лицо с характерным разрезом глаз – в общем, типичный японский шпион. А я только и размышлял, что об африканских берегах и океанской пустоте, среди которой зависла крутящая винты эскадра, и какая там война, какая Япония...

Но потом я подумал: ну почему обязательно японец. Умный Илья взял себе китайского вестового, и это логично – если китайские прачечные множатся по всей России. Другое дело, откуда китайцы на флоте? Ладно еще сибиряки или, например, корейцы... Хотя какое мне до этого дело.

В общем, китаец или нет, его зовут Ен, совсем молодой парень, денег у меня не берет, он очень вежливый и правильный вестовой. И мне еще только предстояли связанные с ним довольно печальные события – у других берегов, в ином году.

Впрочем, до этого иного, то есть 1905-го, года оставалось немного.

Я разгуливал по палубе в пробковом шлеме из Дакара, мы сидели в кают-компании – с разрешения дамы – в одних рубашках, и мы все были, наконец, друзьями. Ну а на тех, кто все еще смотрел на меня немножко волком, я перестал обращать внимание.

В этой самой кают-компании меня перестали стесняться, ругая всеми словами «этих, под иглой». Игла высится над Адмиралтейством, которым моряки были не очень довольны.

И в ходе этих разговоров постепенно мне стало ясно, что анонимный Прибой был прав в куда большей степени, чем я думал. Господа офицеры с большим знанием дела объясняли мне: в прошлом веке Япония имела только один броненосец, захваченный у побежденных ею китайцев. Россия же имела 16 эскадренных броненосцев. А сейчас...

– Считаем: у них шесть новеньких броненосных крейсеров первого ранга, так?

– Так, мичман, и девять защитных крейсеров первого ранга, и пять защитных быстроходных крейсеров второго ранга, и два минных крейсера, у нас таких и близко нет...

– Да, и все это – только со стапелей. Но ты не забудь миноносцы – и вот тут, господин сочинитель, уже не шутки. Их у япошат почти сто – правильно, друзья? А скорость, какая у них скорость! И вот посмотрите на нашу коллекцию музейных экспонатов пополам с новыми кораблями.

– Да у нас не сводная, а сбродная эскадра...

Получалось, что на крейсере безо всякого Прибоя знали, что японский флот превосходит наш более чем вдвое: 170 судов и тридцать с лишним тысяч моряков.

Любой другой на моем месте задумался бы. Но вся компания офицеров не слишком беспокоилась, объясняя мне, что в настоящей войне многое решает ситуация – обнаружат нашу эскадру или нет, сколько кораблей ее подстерегают... не предскажешь.

Мне тогда вообще казалось, что та война – она же на другой стороне земного шара (что было просто фактом). Порт-Артур в те дни держался, хотя бои уже шли за гору Высокую. Вот если японцы возьмут ее – можно выбрасывать белый флаг: с этой горы простреливался весь город и все корабли на рейде. Но ведь не взяли.

На реке Шахэ в тот момент не происходило ничего: сражение выдохлось, кончилось непонятно чем, уж точно не победой, и французские газеты из Дакара озабоченно писали о наших невиданных потерях – сорок тысяч человек! И какая разница, что японцы потеряли столько же.

Но нам, огибавшим Африку, оставалось только бормотать: вы продержитесь, братцы, вот мы придем – и тогда посмотрим, чья возьмет.

А пока... в офицерской ванной два дня как плавает небольшой крокодил из Дакара, которого потом все-таки вышвырнули в море. Попугай Васька никому не мешает, так что он шел с нами до самого Мадагаскара, где дезертировал от нас в джунгли. На других кораблях везут обезьян.

Рузскую кормят фруктами – мы все купили в Дакаре бананов, загадочных мангустинов и многого другого. И теперь по вечерам перед гордым и доброжелательным профилем строгой Инессы всегда стоит ваза, куда постоянно что-то подкладывают как ее визави – Лебедев и Блохин, так и мы все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.